

АРТЁМ ТАСАЛОВ

Старое фото

Сейчас я старше своего отца
На этом фото – правда, мы прекрасны?
Он был в разводе с матерью давно,
Приехал навестить меня в изгнании,
Которое дано мне было свыше
Как милость и призвание, и крест
Благословенный, но тогда еще
Не понимал я этого нисколько
И нянчил в сердце сладостную боль
Покинутого близкими ребенка.

Так мы взрослеем медленно и длим
Недоуменье детское, как сон
Блаженный, не желая просыпаться
В пространство обнаженное, как в мир
Мы с гневным криком некогда пришли,
Слез возмущенья не стыдясь нисколько.
И дал бы Бог нам к старости успеть
Проснуться и принять себя такими,
Какие есть мы в сердце бытия,
И принести Ему благодаренье.

Лягушка

Из глубины лиловой, где покуда
от нас сокрыта тайна бытия,
наверх плывёт осколок изумруда,
невыразимость вечности тая.

Царевна влаги, спящая веками,
чей глаз велик, как полная луна,
перебирая длинными ногами,
она всплывает с илистого дна.

Потом на глади темного болота,
где солнца блик, как золото, течёт,
она лежит в объятиях дремоты
и синеву распахнутую пьёт.

А день живёт, колышется над нею...
Когда ж проглянет первая звезда –
она нырнёт, и, медленно немея,
над ней сомкнётся черная вода.

Однажды

Узор сознания растворится,
И выпорхнет из клетки птица,
Мгновенно канув в синеву;
Еще возможно улыбнуться,
К ребенку нежному нагнуться,
Погладить вещью траву.

Еще прозрачный день осенний
Блеснет кристаллом Воскресенья,
Взорвется алая листва;
И снегопад как чудо света
Укроет мертвого поэта,
Совсем забывшего слова.

Еще отец посмотрит строго,
И мать обнимет у порога,
Обнимет брат виолончель;
И вспыхнет память изумрудом!
Страниц исписанные груды
Исчезнут в пламени очей.

Еще жена протянет руки
Вослед немислимой разлуке,
И долго таять будут звуки
Живого голоса средь звезд;
Сосуд скудельный разобьётся,
И эхо больше не вернётся,
И тень уже не шевельнётся,
И это все уже всерьёз.

Так дети в кубики играют,
Бомжи бутылки собирают,
И старцы так не вытирают
Солёные алмазы слёз.

И только Дух животворящий
Шепнёт возлюбленной скорбящей
Глаголы вечные свои,
И развернёт свои знамёна
Душа в земле Армагеддона –
Знамёна Правды и Любви!

Набухших почек крутизна.
Взорвутся завтра, послезавтра...
Скажи мне, жизнь моя, Весна,
Кто сочинил тебя, кто автор?

Дети играют и в ходе игры забывают
о том, что они играют...

Орфей

Ирине

Алкоголь примиряет с разорванной тканью судьбы,
вещий сон забывается, прячутся даймоны в тень,
и опять ты бредёшь, как бы свой, в сердцевине толпы,
освещая глазами мучительно гаснущий день.

Вещий сон забывается, прячутся даймоны в тень,
не по дням – по часам ты глупеешь и катишься в синь,
в эту чёрную синь, в этот траурный бархат, сирень,
словно гроздь салюта, из бездны безумия вынь.

С этим грозным букетом бредя в сердцевине толпы,
о, как чуден ты, брат! о, как лик твой обуглен печалью!
где я? кто я? в плену предначертанной Богом тропы,
сам не зная себя, сам к себе я однажды причалю.

Освещая глазами мучительно гаснущий день,
прижимая сирень, словно траур, к холодному сердцу,
наяву превращаюсь в безмолвную вещую тень,
ты меня не узнаешь, любимая, я не узнаю...

Печаль

Если душу выкрасить в чёрный цвет
И украсить звёздами алых ран, –
Персефона выйдет на белый свет,
Пригласит тебя в золотой туман.

И её мгновенно узнаешь ты,
Потому что память твоя пуста.
И в груди твоей расцветут цветы
Темно-синие, как её уста.

Изумрудный кубок в ее руке,
На плечах ее – серебристый плащ.
Только ты не стой перед ней в тоске,
Удержи себя: улыбнись, не плачь.

Поклонись ей вежливо, пригуби
Воду Стикса и – вслед за нею – в даль
Золотого сна, как во сне, гребь...
Это всё, что есть у тебя, печаль.

В развалинах сна

**Брожу среди псковских развалин,
Как в чьём-то потерянном сне.
Задумчиво-нежный, как Сталин,
И грустный, как бомж на Луне.**

**Я верил, что мир – это Благо,
Я ждал тебя, Дева-Любовь.
А ныне стихи на бумагу
Стекают, как чёрная кровь.**

**Я был или не был поэтом?
Теперь уже разницы нет.
Загробным сиреневым светом
Наполнился мой интеллект.**

**И в этом таинственном свете,
Гуляя в развалинах сна,
Я знаю: мы – мёртвые дети,
Которых уносит волна.**

**Житейское море абсурда,
Мы чистые жертвы твои.
Глаза молодого манкурта
Проводят нас взглядом любви.**

Яблоки

Владимиру Антропову (Радуге)

**Собираю яблоки
На заброшенной даче
Солнечный день
Октябрь**

**Трава ещё зелёная
Вся-вся усыпана
Стою на коленях
Удобней так**

**Преклонив колени
Собираю яблоки
И улыбаюсь**

**Господи здесь я
Где Ты поставил
Вечная осень
Солнечная плоть**

Надежда

Суметь дожить до декабря,
До двадцать первого числа:
Переломается заря
И станет снова весела;
И побегут опять ручьи
Из-под глубоких льдов забвенья,
И солнце выпустит лучи
Бродить в лугах стихотворенья.

Стихотворенье – вот оно –
Из-под пера само творится;
В распахнутое так окно
Влетает звонкая синица:
Глазенки-бусинки блестя,
Как жизнь сама – ее явленье...
Снежинки памяти летят,
Творя живое сновиденье.

И не понять уже, где – сон,
В котором умер свет небесный,
Где – явь, с ручьями в унисон,
И колокольный звон воскресный...
Где птица смотрит, как душа,
И где душа, как птица, рвется;
Где смотришь в бездну, не дыша,
И прямо в сердце сходит солнце...

Сонет №3

Отчаяться и, голову склоня,
Стоять столбом, являя покаянье.
Невыразимость! Вырази меня!
Иль отрази молчанием в молчанье.

На склоне лет и на закате дня –
Родиться вновь и обрести дыхание:
Сухую веткой взять того огня,
Которым вечно дышит мирозданье.

Прощальным светом встретить мотыльков,
Познавших Бога как стремленье к свету!
Се: слово – свет! Я встретить вас готов.

Немой поэт! Кто знает муку эту?
Немой поэт поистине не нов.
Дивитесь говорящему Поэту!

Муза

Как слеза солоня и прозрачна,
Как огонь горяча и тонка,
Эта девушка с рюмкой коньячной
Наблюдала его свысока.

И веснушчатый мальчик советский,
Коим был я столетие назад,
Устремил на неё свой недетский,
Свой тяжелый, задумчивый взгляд.

Их взаимность была неизбежной,
И тогда появился на свет
Перламутровый, нежно-мятежный,
Не на шутку серьезный поэт.

* * *

у человека нет имени
у человека нет дна
у человека только
печаль одна

печаль синяя
печаль красная
печаль чёрная
печаль белая

синяя печаль – небо
красная печаль – кровь
чёрная печаль – солнце
белая печаль – смерть

* * *

Блёстки мелкого снега,
Как алмазная пыль...
Прихотливая нега,
Чудотворная быль.

Смыслы ангельской речи
Чуть касаются лба...
Зимний день бесконечен,
И прозрачна судьба.

Когда покачнётся мой мир,
Я крепко схвачусь за Дерево (любое дерево – Дерево),
Оно станет моим Вергилием в карусели иных миров.
Он удержит мой ум от паники и укрепит мой дух,
Сжимая меня в объятьях воспетых мною ветвей и листьев,
Особенно листьев кленовых, с которыми я побратался,
Покуда шел по земле забвения,
Повторяя, «ты где?.. ты где?...»

Однажды в погоне за смыслом
Издохнет последняя мысль,
И губы качнут коромыслом
Надменную звёздную высь,
И грохнется гордое небо
На грядки роящихся дач
Краюхами вещега хлеба...
На всех его хватит, не плачь.

Путь кленового листа

*Господи! Позволь мне прежде пойти
и похоронить отца моего.
Но Иисус сказал ему: иди за Мною,
и предоставь мёртвым погребать
своих мертвецов.*

(Еванг. от Матфея 8:21-22)

Сказал и посмотрел бездонными глазами
На суету миров, не знающих себя.
Он был совсем один, единственный, но с нами
Любовью был самой, неистово любя.

И ненависти тень не смела прикоснуться
Его пречистых уст, его пречистых стоп.
Он знал, что всем дано когда-нибудь проснуться,
С любовью навсегда соединиться чтоб.

Пойдём! – Он лишь сказал, – возьми себя с собою:
Чело своё и грудь, и руки для Креста.
И человек пошёл, растождествив с толпою
Себя – он выбрал Путь Кленового Листа.

...И Ветер прошептал единственное Слово
Кленовому Листу, и обезумел тот,
И вышел из себя, и Клён Златоголовый
Блаженно осознал блаженного исход.

**В зияющий провал, в небытие как будто,
В могилу пустоты – он бросил сам себя...
И он уже не знал, что совершилось чудо,
Любовью став самой, неистово любя.**